

тельное поклоненіе божествамъ классическаго язычества, постоянное призываніе ихъ, посвященіе имъ мыслей и чувствъ, дѣлъ и словъ. Это было поэтическое провозглашеніе худшаго и въ язычествѣ культа, эпикурейскаго. Это была не только проповѣдь и исповѣдь, было не только опасеніе, но чуть не сладкая надежда, чуть не молитвенное чаяніе, что по смерти мы очутимся въ области блѣдныхъ безличныхъ тѣней, лишь бы заснуть подъ маніемъ самыхъ игривыхъ языческихъ божествъ Вакха и Аполлона, музъ и харитъ, Киприды и Купидона. Было въ этой поэзіи, не скажу, мысленно-словесное отрицаніе христіанства, но хуже того, было кощунственное сопоставленіе его съ идолопоклонствомъ, кощунственное приурочиванье его къ низшему культу низшихъ языческихъ божествъ, причемъ необузданность ума и словъ играла сопоставленіями священныхъ изреченій съ непристойными образами и влеченіями. Куда, наконецъ, дальше идти?.. И все это прощалось, всему этому рукоплескали, и не даромъ, потому что на всемъ этомъ, на всякомъ самомъ мелкомъ образѣ лежала печать безпредѣльно богатаго, остраго, огневого дарованія“.

„Этого мало, — продолжаетъ проповѣдникъ: — вслѣдъ за пѣснями языческаго культа, нашъ поэтъ воспѣваетъ и всѣ страсти въ самомъ дикомъ ихъ проявленіи: половую ревность, убійство, самоубійство, игру чужою и своею жизнію... И чего, чего онъ не воспѣваетъ?! Воспѣваетъ кровожадность Наполеона, также какъ и революціонеровъ XVIII-го вѣка. Особенно революціонная свобода была его кумирь... У гиганта поэта всякая страсть, рисуемая гигантскою кистью, выходитъ какимъ-то также исполиномъ, выходитъ предметомъ, привлекающимъ сочувствіе и жалость, чуть не жертвоприношеніемъ исполненію долга. Его полудобродѣтельная Татьяна возбуждаетъ такую же жалость, какъ и безнравственный Онѣгинъ, какъ и пустой, легкомысленный Ленскій; удалой самозванецъ Пугачевъ также, какъ и жертва его звѣрства, безстрашный, самоотверженный капитанъ съ своей душевнопривлекательною дочерью; мудрый, но преступный и злосчастный Борисъ, также какъ и отважный до дерзости, извортливый лже-Дмитрій. Это оттого, что всѣ они — милыя сердцу его дѣти его воображенія; оттого, что у него всякое страстное влеченіе есть идеалъ, есть культъ, есть идолъ, которому человѣческое сердце призывается приносить себя въ жертву до конца“.

Такимъ образомъ, нашъ поэтъ всѣ свои силы и великое дарованіе посвящалъ на служеніе грѣховнымъ страстямъ, былъ угодникомъ и рабомъ всего свободолобиваго, мятежнаго, чувственно